

Наталья Костина

Поговори со мной

*They say its unrealistic
But I believe in you Saint Nick*

*Говорят, что это фантазии,
Но я верю в тебя, Санта Клаус*

Александра, дочь Марата

— Поговори со мной...

— Я тебя люблю, Саш.

Я сама слышу, что слова какие-то неживые: бумажные, что ли? Нет, скорее картонные... Они падают в никуда, и нужно бы остановиться, закруглиться по-быстрому, и не мучить ни его, ни себя — все равно ничего из этого не выйдет. То есть не выйдет из нашего сегодняшнего свидания, а остальное — ну, это мы еще посмотрим! Я очень упрямая... наверное, поэтому я так и не прощаюсь, и зачем то прошу:

— Скажи еще раз...

— Я тебя очень люблю.

— Я тебя тоже очень.

— Как ты? — снова спрашивает Дэн.

— А что мне станется? Я ничего...

Наверное, он хорошо слышит, как я вздыхаю. Еще я пожимаю плечами, и жилет падает. Спине сразу становится холодно от стекла, но я не двигаюсь. Потому что мне не хочется его поднимать — так же как не хочется заканчивать этот вяло тянущийся разговор. И зачем я ему позвонила, если знала, что никакого толку не получится? Обычно я дружу со здравым смыслом — но не сегодня.

Я сижу на подоконнике — широком и прочном деревянном подоконнике в оконной нише — моем излюбленном месте для разных печалей.

— Хочешь, давай завтра встретимся? Я сбегу, — предлагаю я.

— Нет! — тут же пугается Дэн. — Не надо! Давай... переждем, а, Саш?

— Да кому я нужна...

— Я тебя очень прошу — сиди дома! — говорит он тоном приказа. — И не делай глупостей!

— Ты прямо как Марат! — замечаю я и надуваюсь.

Разумеется, я никуда не сбегу: мало того, что растрепала Дэну то, о чем никто не должен был знать, так теперь еще и пушу перед ним хвост, и обещаю то, чего действительно лучше не делать. Но мозгов у моего парня явно больше чем у меня:

— Я очень хочу тебя видеть, Саш, но знаешь... тебе пока действительно лучше никуда не выходить. ПОКА так действительно лучше! — говорит он с нажимом.

Я не успеваю в дополнение к хвосту встопорщить перья и каркнуть что я уже взрослая и сама могу решать как лучше, как слышится щелчок и насморочный голос говорит:

— Сашенька, не занимай, пожалуйста, городской телефон! Папе... гм... должны позвонить!

Ладно. Ладно! Мобильник у меня отобрали, а городской, видишь ли, занимать не велено! Но сегодня я хорошая девочка:

— Конечно! — говорю я, не прощаясь, потому что и так все ясно, и с силой вдавливаю кнопку отбоя.

Зимой смеркается рано. За окном уже темным-темно, лишь цепочка низеньких круглых фонарей уходит от нижней террасы дома вниз, и теряется за стеной стриженных елок. В комнате тоже не видно ни зги. Можно щелкнуть выключателем, и, как говорится, рассеять воинство тьмы, но... Легче от этого не будет.

Я спрыгиваю с подоконника, нашариваю на полу жилетку и закутываюсь в мех, слабо пахнущий духами и другой, еще счастливой зимой, до самого подбородка. В другое время я бы

включила комп, и нашла бы утешение в Сети, но сегодня мобильная связь и инет вырублены во всем доме: таково условие.

И от этих дурацких, неизвестно кем выставленных условий, и от того, что совершенно некуда себя деть, сегодняшней день все тянется и тянется, и даже сумерки не приносят облегчения. Кроме того, лишь говоря по мобильнику я действительно чувствую, что Дэн тут, почти рядом. Только сейчас я поняла эту разницу: с машиной можно уйти в какой угодно угол, да хоть и на край света. Я не знаю места, где отсутствовала бы мобильная связь... или просто я в таких местах не бываю? Да мне туда и не надо! Но мне очень важно ощущение его присутствия... и чтобы никто не дышал в параллельной трубке. И не стоял за спиной, когда пишущие ответ пальцы Дэна бегают по клавише. Чтобы никто из соседей по его общаговской конуре не давился поганым смешком, и не корчил идиотские многозначительные рожи за его спиной, читая мое «я люблю тебя...»... Наверняка они, эти конченые придурки, гогочут и мерзкими голосами интересуются как мы трахаемся и какая я в постели — бревно бревном или ничё-себе-так-тёлочка.

Я слишком остро и тонко чувствую слова, как некоторые — вкус или запах... а эти, от которых несет прогорклым салом, просто ненавижу — так,

что даже дыхание сбивается. Мы с Дэном не трахаемся. Мы любим друг друга. Но объяснять это всем и каждому?.. Да было бы перед кем метать бисер! Я снова льну к окну: стекло приятно холодит лоб, но... стоять вот так и ждать с моря погоды неизвестно сколько... нет, это невыносимо! Внезапно мне в голову приходит еще одна мысль: если мне невыносимо, то как же там, внизу, ОН?!.. Который не знает, что случилось с той, которую он любит? Которая вот уже больше суток назад вышла из этого дома — и словно бы растворилась... пропала, исчезла, потерялась в пространстве времени и зимы. Я знаю, Марта уверена, что отец и Алиса поссорились, и она просто-напросто решила его проучить. Марат же считает что все гораздо серьезнее, и его жену, а мою совсем молодую мачеху похитили. Похитили... это слово звучит отвратительно. От него одновременно дует затхлым воздухом старого подвала и ледяным ветром. Я ежусь словно бы окно случайно распахнулось во всю ширь: прямо в мороз, в зиму, в темный исход декабря...

«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...». Вечор, вчерась, намедни, третьего дня... Я люблю пробовать все эти анахронизмы на язык, катая их во рту, как гладкие камешки. И, если набрать вот таких слов-камешков побольше, то с непривычки начинаешь шепелявить уже по-настоящему, путаясь

во фразах, как в подоле бального платья со шлейфом. Слова — та же одежда, — только не все это замечают.

— Вечор мела метель, милостивые государи, и вчерась мела, и третьего дни тоже, — говорю я грустно и с чувством.

Я плющу нос о стекло, но картина, зримая окрест, остается все той же: занесенные снегом геометрические ели и туи, зигзагами спускающиеся вниз, подсвеченные снизу, как муляжи в какой-нибудь псевдоисторической диораме. И эти зеленые насаждения даже на вид мерзлые-перемерзлые, и свет тоже мерзлый и неживой. Да и не зеленые они, а так... Какие-то коричнево-серые: только те, что топорщатся голубыми иглами еще как-то скрашивают пейзаж, остальные такие же унылые, как и добротный каменный забор с железными остриями и кляксами снега. Все это куда холоднее стекла... я отрываю от него лицо: все равно ничего нового не увижу. За нашим забором с карточными черными пиками тонет в снегах соседний участок, за ним — еще один. Мне начинает казаться, будто вся земля до самого горизонта поделена на такие вот участки с ледяными копьями оград. И даже если смыться отсюда, то все равно не выбраться, хоть беги сутками напролет... через мерзлые железяки, по стылому кирпичу, обламывая ногти, и оставляя на

этих чертовых копьях частички самой себя. Пока они не разберут тебя на атомы: бесконечные заборы, условия, ограничения... Через тернии — к звездам... Звезд нынче не видно. Нынче, как и вчерась — анахронизм. И все что длилось и длилось сегодня — тоже сплошной анахронизм. Хронос — это время, ана — против. Время работает против нас. Или все-таки за? Этого я пока тоже не знаю...

Я все торчу у окна — единственного портала в мир, который у меня остался. Я отчаянно не люблю холода... зимы... снега... и противодействия. Марта говорит, что я избалована. У меня есть все, о чем они с моим отцом в юности могли только мечтать. Я даже училась в Англии. Этим Марта меня попрекает постоянно, страдальчески закатывая свои небесного цвета глазки, а потом на горестном длинном выдохе изрекает: «Боже мой... ты же училась в Англии! Нам в твои годы это и не снилось!». Я не знаю, что им снилось и снится ли вообще — но Англия — это было еще то времяпрепровождение, скажу я вам! Кроме того, ни моему драгоценному папаше, ни его сестре не возбранялось ни дружить с кем захочется, ни учиться как бог на душу положит, да и школа, в которую они ходили, была самая обыкновенная — разумеется, все это происходило еще в доисторические времена, когда школы были просто

школами, а не колледжами, а то и академиями. Сейчас же просто запахло обучаться где-нибудь, кроме колледжа, или лицея — но это уже совсем крайний случай. Однако чтобы окончательно пустить пыль в глаза, любящие родители еще и ссылают родное чадушко к басурманам!

Разумеется, в моем случае проблема состояла не в том, что Александрсерегич Пушкин был лицеистом, а я, Александра, просто кем ни попадя. Меня отправили в страну дождей и вечно волглого белья, чтобы оторвать от Дэна. Потому что пятнадцать — не время для любви. Пусть даже большой и светлой. Иногда мне хочется спросить: а что, сорок пять более подходящий возраст? Но я предпочитаю не дразнить гусей, хотя они бывают забавны когда сердятся — шипят и вытягивают шеи.

— Жили у бабуси... два веселых гуся... один серый, другой белый... Марат и Мартуся! — противным голосом пою я — но, слава богу, меня никто не слышит.

Девушка созрела... Но для Марты и Марата, то бишь для отца и тетки я еще долго буду считаться совершенно не готовым к самостоятельной жизни индивидом. Хотя сегодня мне уже шестнадцать. Я продвинулась в сторону сорокапятилетия на год. Даже почти на полтора. Но для настоящей, долгой и верной любви наверняка

еще не доросла — по их мнению, которое суть истина в последней инстанции. Откровение от Марата и Марты. От Марты и Марата. Откровение в двух томах. В двойном размере. Откровение, уходящее в обе стороны от точки отсчета в бесконечность. Потому что Марат и Марта близнецы. Не двойняшки, а именно близнецы. Совершенно разные. Марта — красавица. Но она этого не понимает. Марат — чудовище — но он также этого не понимает. В этом непонимании они одинаковые — и в том, что даже имя Дэна дома табу.

Моя задница совсем остыла на скользком подоконнике — но двигаться никуда не хочется... хотя сейчас неплохо было бы выпить чаю. Пять часов пополудни, выражаясь все тем же старинным штилем. Семнадцать тридцать две — если следовать сухой статистике перебирающего цифры будильника. А в доме — филиал ада в отдельно взятом семействе, которое вдруг оказалось несчастливо по-своему — это по состоянию на сейчас. И, разумеется, никаких тебе пятичасовых чаепитий, на которых Марта помешана так, как я на цитатах и литературе. Однако не только соловьев совершенно не насыщают басни: я вспоминаю, что ничего не ела с утра, и у меня тут же начинает противно сосать под ложечкой. Придется проявить смекалку и ловкость, и самой стащить на кухне

чего-нибудь съестного. Хотя спускаться туда ужасно не хочется... может быть, у меня в комнате что-нибудь завалилось?

Я нахожу на дне рюкзака полураздавленный пакет чипсов, и радуюсь этому крошеву, словно бог весть чему. Чипсы жутко соленые... я выгребая из пакета остатки, затем переворачиваю его, трясущ над ладонью, и слизываю языком все что выпало. Марта бы пришла в ужас. Пить после чипсов хочется уже нестерпимо. Я открываю кран в ванной и пью из той же горсти, пахнувшей общепитом. Файф о клон состоялся! Да, кстати, надо будет как-то при случае просветить Марту, что английский пятичасовой чай — не более чем миф. Пойти что ли, и отвлечь ее этим рассказом прямо сейчас? Нет, сейчас она наверняка не станет слушать. Еще и отрежет, что я черствая и бездушная. Хотя как раз о ней-то я и забочусь! Судя по голосу в трубке, она уже третий носовой платок сменила: Марта существо тонко устроенное, в отличие от меня, которая сейчас может есть чипсы и мечтать об объятиях Дэна.

Не зажигая света я плюхаюсь на кровать и громко объявляю:

— А теперь — немного о стране знаменитого Диккенса!

Затем в ужасе кошусь на дверь: действительно, не услышала бы меня Марта! В

самом деле — совершенно бездушная я, что ли? Или мне просто одиноко? Ужасно одиноко, если честно... Сегодня мне даже хуже, чем в первые дни в той самой школе, куда Марат с Мартой меня сплавил. Больше всего, кстати, в Соединенном Королевстве меня поразило даже не отсутствие пресловутой пятичасовой чайной церемонии, а то, что, судя по всему, там толком и англичан-то не осталось. Лондон, в котором я для ознакомления и адаптации (читай, чтоб не прослыть среди остальных рафинированных пансионеров селом неасфальтированным) прожила неделю, оказался сущим Вавилоном: его заполонили индийцы в сари, африканцы в кричащих нейлоновых куртках, и китайцы в английских костюмах — словом, кто угодно, но только не потомки мистеров и миссис Смит. Вполне возможно, те также имелись — но мимикрировали до неузнаваемого состояния, презрев наследственную чопорность и прочие джентльменские прибаамбасы. В бесчисленных же уютных забегаловках, где мне по причине малолетства не отламывалось ничего крепче лимонада, после пяти-шести вечера пипл вливает в себя не чай, а пиво, виски и джин — словом, накачивается спиртным под завязку, презрев завариваемый кипятком целебный напиток. Ну, а чай... чай пьют явно где-то вне Грейт Бритн. В гостиней Марата и Марты, например, которые есть

новая буржуазия. Или пока не есть, но очень тщатся быть. Впрочем, мне все это глубоко пофиг... или я не умею ценить то, что не досталось тяжким трудом? Как сказали бы те же британцы, я родилась с серебряной ложкой во рту. У Марата и Марты ложки от рождения были алюминиевые — но кто хочет сейчас об этом вспоминать? Только не сэлф мэйд мэн Марат... Безусловно, он «человек, сделавший самого себя»... и мой дорогой отец... и... наверное, нужно все же спуститься вниз и посмотреть, что он там делает... хотя не факт, что он захочет со мной говорить. Кроме того, у него есть Марта — великая утешительница, которая никогда его не бросит. Потому что Марта вообще никогда никого не бросает. За Мартой все мы как за каменной стеной.

Я стаскиваю наушники, которые было на себя напялила — но музыка мне сегодня явно не идет. Внимательно вслушиваюсь в то, что происходит в доме. Там тихо — видимо, пока не происходит ничего.

Наверное, я все же не бездушная, и тоже нервничаю — иначе почему бы меня вдруг начало так трясти прямо под теплым пледом, в который я завернулась с ногами? Простудиться от сидения на холодном подоконнике я, которая умудрилась выжить в знаменитой на весь мир английской школе, находящейся в местности где после

дождичка — и даже не в четверг, а считай ежедневно — обычно начинался ливень, после ливня — туман, а затем такой ветродуй, что любому приезжему становилось понятно, почему абсолютно все английские постройки каменные, на худой конец — кирпичные. Я жила в комнате со стенами метровой толщины, и волку из «Трех поросят» здесь совершенно ничего бы не отломилось.

Несмотря на вечную морось, мы все ходили с голыми коленками; я, конечно же, сдирала с себя форменный прикид сразу по окончании занятий, и влезала в удобные старые джинсы — но многие особи не снимали гольфы и юбки в складочку с утра до вечера. Закаляли дух до синих цыпок на тощих голяшках. Обучение было таким же унылым, как и погода: или же я просто отчаянно скучала по Дэну? Словом, я не чаяла побыстрее выбраться оттуда — хотя и старалась оправдать надежды Марата... ну и Марты, само собой.

Как сказал классик: «Год прошел, как сон пустой». Наверняка это он прозрел истину о моем английском образовании. На каникулы, ввиду прилежного поведения, меня отправили в бон вояж. Последнюю неделю, прежде чем водворить меня обратно, было решено провести всем вместе, загораю по мере сил у холодных британских вод. Затем меня чинно сдали с рук на руки обратно в

кампус. Разбирая вещи, я честно заявила Марату, что он зря тратит нажитые непосильным трудом мани, они же полновесные английские фунты. Здесь ничему сверхъестественному не учат, а если принять во внимание мое увлечение славистикой, которому я изменять не собираюсь, ловить мне и вовсе нечего. Конечно, это его личное дело: можно платить и такую цену за английский разговорный, которым я и до того владела неплохо. «Я могла бы, конечно, выучить еще и казахский, общаясь со своей соседкой по комнате, но тюркская языковая группа меня вообще мало привлекает. Кроме прочего, — откровенно и очень грустно призналась я, — вы сейчас сделаете мне ариведерчи и отчалите. А я просто чувствую, что от тоски по родным пенатам мне недолго и спиться! Паб в этом захолустье один, и совсем не процветающий. Так что дают, не спрашивая паспорта: и распивочно, и навынос».

Спасла меня все та же Марта, благослови господь ее близорукую душу. Она сделала страшные глаза, схватила Марата за руку и уволокла из моей юдоли печалей прямо на улицу, под тысячулетний, как и эта женская тюрьма, тис: намекать на мою плохую наследственность. Марат подумал, Марат взвесил, Марат уступил. Я быстро кидала вещи обратно в чемодан, пока мой отец в дирекции расторгал, подписывал и делал

реверансы.

Я до последнего не верила своему счастью: я возвращалась домой! Разумеется, это не было бы так просто, если бы всю нашу совместную неделю Марта за мной усиленно не следила, а попросту — шпионила. Но я была начеку: ни слова о Дэне, никакого компромата в телефоне, который я нарочно забывала то тут, то там, и ни одной вылазки в инет — зато был устроен показательный пляжный флирт с долговязым вундеркиндом, который ухаживал за девушками посредством пересказа теории относительности. Я притворялась как могла — но, похоже, предварительного разогрева и не нужно было. Я попала в десятку, в яблочко и в болевую точку одновременно. Марат действительно опасался, как бы с горя я не стала хлестать пиво пинтами и галлонами, прямо как урожденная англичанка, и от этого живо отправилась по кривой наследственной дорожке.

Меня вернули домой: заканчивать образование без королевских излишеств и ходить на подготовительное отделение в универ. Но главное — Дэн никуда не делся. Он меня дождался. Когда закончилось наше вынужденное воздержание друг от друга, мы встретились так, будто расстались только вчера. Да, собственно, мы и не расставались — если принять во внимание почти ежедневное виртуальное общение. Этого не смогли

у нас отнять даже бдительная Марта с хитроумным Маратом вкупе.

Мой приезд омрачило лишь одно: поэт, написавший мои любимые детские сказки, несомненно оказался еще и пророком. В мое отсутствие царь женился на другой.

Марта, сестра Марата

Я знала, я как будто чувствовала, что все это закончится именно так. Для меня, для Марата, и для той, которая сейчас исчезла... что ж, этого следовало ожидать! И потом: я слишком хорошо знаю людей: Марата, Александру... все они для меня как открытая книга. И себя Да и Алиса тоже отнюдь не загадка сфинкса! Марат слишком многого ожидал — а в результате глупо наступил на те же грабли: в первый раз он женился на пьющей, во второй — на гулящей. Что ж, когда тебе сорок пять, и ты женишься на девице вдвое моложе... Я с первого взгляда поняла, что это за сокровище, и чего от нее можно ожидать. Если бы он сразу послушал меня, то сегодня всего этого кошмара просто бы не случилось. Но... «Ты не знаешь, что такое любовь!». Ладно, это я тоже проглотила. Как выносила и терпела всю жизнь все его выходки. Чудачества. «Правильные решения». Да, конечно, он бывает прав! Кто спорит? Я не

спору. Даже не оспариваю. Даже не заикаюсь... большей частью я вынуждена молчать. Потому что давать Марату даже самые продуманные советы — бесполезно. Он все равно сделает все по-своему. Как решил. «Первый импульс — самый верный». Боже, какая глупость... я удивляюсь только тому, что в большинстве случаев это как-то срабатывает! Или все-таки это не «первый импульс», а четко расписанный по пунктам план? Он мой брат, самый близкий мне человек... мы должны, мы просто ОБЯЗАНЫ быть одинаковыми! Думать. Выверять решения — особенно там, где это касается близких нам людей. Но... к сожалению Марат порой впадает в крайности. И еще мой дорогой братец любит пускать пыль в глаза, причем пыль эта — непременно золотая. Высшей пробы. И даже инкрустированная бриллиантами. Но когда эта пыль осядет, как и положено всякой пыли, он бежит советоваться ко мне. Только очень часто бывает поздно советовать. Разгрести то, что он натворил. Решительно решил, и тут же сделал! Даже и подписал. Совсем как тогда: Марта, это моя жена! Боже мой, какая жена? Где он ее взял? Ну понравилась тебе свеженькая девочка, но зачем же тащить ЭТО домой?! Сними ей квартиру в городе, и проводи с ней пару часов в неделю, если уж так приспичило. Нет, сразу — жена! А теперь, когда уже наигрались в любовь, куда ее девать, эту самую

жену? И ведь с самого же начала было видно, что она ему категорически не подходит! Разные люди... совсем разные. Но разговаривать, убеждать — все было бесполезно. Потому что был Импульс и была Великая Любовь! Жаль, что Великая Память у Марата напрочь отсутствует: было бы неплохо не забывать, что все это с ним уже было. Было! А, главное — всегда надо помнить чем все ЗАКОНЧИЛОСЬ. И если бы не я, где бы Марат был сейчас? А, главное — кем бы он был?! Это я держала и тащила его, не давала ему упасть, скатиться еще ниже. Я жила с ним рядом, стала его тенью, не думала о себе — потому что ЕМУ было плохо. Сначала было плохо с ней, а потом — без нее. Хотя о чем можно было так долго терзаться и сожалеть? Свою красоту за семь лет сплошного кошмара она пропила без остатка, а мозгов — мозгами там и не пахло. Только те же сплошные «импульсы», пропади они пропадом! Нельзя заводить жену, подобрав ее, словно котенка в переходе: ах, смотрите какой хорошенький! А он ведь даже с родителями не познакомился, ни о чем не расспросил, сразу поволок ее расписываться! А ведь там и мать, и бабка пили запоем... господи, да я бежала оттуда со всех ног, как узнала! Можно вывести котенку блох, и бантик прицепить, и на подушечку посадить — но как быть с НАСЛЕДСТВЕННОСТЬЮ? Семь лет ада... И он

выдержал все семь жутких кругов, а потом — ее падение на самое дно... Нет, даже Я не в силах это вспоминать!

Столько лет было тихо... я так радовалась! И вот — на тебе. Очень красивая. Очень! И опять с проблемами. И почти сразу начались поздние возвращения, нелепые отговорки, снова он нервничал, ревновал, мучился, страдал... А она все порхала! Хлопала ресничками и строила глазки! Выманивала у него то одно, то другое! Наслаждалась тем, чего не заработала, что получила просто случайно — как чужой кошелек, найденный на улице! Выиграла миллион по трамвайному билету! И, вместо того чтобы быть благодарной всем, кто его окружает, и чтобы как-то облегчить мужу жизнь, заниматься домом или самообразованием, в конце концов, она желала лишь одного: получать удовольствия! И совершенно не умела держать себя в рамках. Горы одежды, все эти украшения без счета... Эта плебейка совершенно не умела быть скромной! Господи, почему я говорю о ней в прошедшем времени?! Да все потому что Марат уверен, что ее убили! Пойти к нему, сказать, что ее точно не убили — потому что за мертвых похитители ничего не получают? Нет, он расстроится... и он сейчас совершенно не способен мыслить логически. Конечно, у его любимой женушки мозгов кот

наплакал, и она запросто может выкинуть какой-то фортель, вместо того чтобы вести себя благоразумно. Даже в ее возрасте пора бы знать, что похитители — опасные люди! С ними нужно вести себя тихо... сиди и жди, пока за тебя заплатят, и не делай глупостей!

Нет, все же я пойду к Марату — даже если он и заявит, что не желает никого видеть. Глупости! В такое время семья должна быть вместе! Несчастья должны сплачивать.

Да, а если потихоньку намекнуть Марату что Алиса могла просто от него сбежать? И это ее якобы похищение — просто хитроумный обман? У них в последнее время не ладилось, и даже очень! Нет, наверное, это лишнее. Он и так слишком подавлен. Как быстро они привязываются к тем, кто и мизинца их не стоит! Сашка вот тоже... нашла себе. Тот еще негодяй. Однако им не втолкуешь. Наследственность! Наследственность, черт бы ее подрал! Сашка так и вовсе не слушает никого — ни меня, ни Марата. Вся в него... Потому-то этим двоим никогда и ничего невозможно втолковать. Да, именно так: никогда и ничего!

— Ну что ты машешь своим маленьким хвостиком? Видишь как мне плохо? Утешаешь? Гулять? Кушать? Ну что ты прыгаешь? Вниз? Говоришь, что Марта это хорошо придумала? Ну, пойдем... что бы вы все делали без Марты...

Александра, падчерица Алисы

— Александра, это Алиса! Алиса, это Александра. Моя дочь, и... моя жена. Прошу любить, и... не жаловаться!

Это он так пошутил. В смысле пошутил — не жаловаться. Жена, встречавшая нашу троицу в аэропорту, оказалась ею на полном серьезе. С самым что ни на есть кольцом на наманикюренном тонком пальчике. Наверное, видос у меня был еще тот: я, ахнув об пол пожитками, остолбенело пялилась на небесное создание с белыми волосами до попы, и прозрачными ясными глазками. Эфирная дива, Лорелея и Снегурочка в одном флаконе! ЭТО тут же прижалось к боку моего собственного отца, дыша ему в шею, жеманясь и трепеща ресничками, а я стояла, забыв подобрать с пола челюсть. Хмурая Марта маячила на заднем плане: не одобряла. Ни Марата, ни Алисы, ни того, что, судя по всему, мне о событии не было велено докладывать аж до сегодняшнего дня: сю-ю-у-урпри-и-из! Да уж... и сюрприз, и суперприз... Моих выпученных глаз по восемь с половиной копеек тетка, разумеется, тоже не одобряла. Марте вообще трудно угодить. Она всегда к чему-нибудь да прицепится. Но сегодня я явно была с ней солидарна.

Домой поехали все вместе: Марат с Мартой впереди, а я с новообретенной мачехой на заднем сиденье. Наверное, это должно было послужить быстрейшему сближению, а также пробудить родственные чувства. На самом деле мы исподтишка разглядывали друг друга: я пялилась на обручальное кольцо с бриллиантом размером с кирпич, а она — на мои обгрызенные ногти и грубые ботинки, с рубленых подошв которых еще не обсыпался прах чужбины.

Дома меня также ждали всяческие подарки: наверное, Марат думал, что меня должно утешать и примирять. Однако в этом не было нужды — потому что на самом деле я не такой уж и монстр. Я не собиралась наезжать на родного отца и обвинять его в том, что всего за каких-то двенадцать лет он забыл свою первую любовь. К тому же та, что была когда-то моей дорогой мамочкой, спилась задолго до того, как я научилась произносить ее заковыристое имя. И мои детские воспоминания не хранили никаких раритетов, типа теплой материнской груди или того дивного дня, когда меня, взявши за ручку, впервые повели в школу. Этим, кстати, занималась Марта — и моей школой, и моими уроками, и даже моими первыми месячными. Матери я совсем почти и не помню — хотя должна была, наверное... И только сегодня, внезапно, вдруг я задалась вопросом: почему

все-таки я ее не помню? Не любила? Боялась? Но дети всегда терпимо относятся к пьяным... они кажутся им скорее забавными, чем страшными. Или четыре года — слишком рано для настоящей памяти?

Всю сознательную жизнь со мной рядом была многотерпеливая Марта: учила писать крючочки и палочки, надевать колготки с мыска и прятала от меня любые спиртные напитки, включая даже сироп от кашля — хотя в этом не было особой нужды: я всегда питала к ним отвращение. Всосанное с ядовитым молоком матери, наверное. Которая еще кормя меня грудью, с утра успевала опохмелиться ловко спрятанной порцией дешевого пойла, какое она явно предпочитала всему остальному, в том числе и мне. Марата в детстве, кстати, я тоже совсем не помню — да оно и понятно: помимо активного зарабатывания стартового капитала у него была вечно поддатая жена, за которой тоже был нужен глаз и глаз.

После водворения обратно в дом, милый дом, Марат то юлил, прикидываясь таким старшим братом, а то вдруг становился занудой-педантом, распекал за каждую мелочь, и устраивал мне щенячьи выволочки прямо на глазах у изумленной публики: новенькой жены со свежими ямочками на щеках и Марты — своего близнеца, истинной второй половины и альтер эго. Однако после

английской погоды меня было не утратить ничем — тем более Мартой, которой снова был поручен усиленный надзор за мной. Но Марта вела себя весьма лояльно: она явно перешла на мою сторону — и, возможно, ей действительно целый год меня не хватало? Теперь она меня только что не облизывала, а все закидоны списывала на трудный возраст и перемены в семье. А перемены были, чего уж греха таить, но совсем не с той стороны, с которой ожидалась. Уж я-то видела, что страдала и ревновала именно Марта — ну, а я... я совершенно по-свински оставляла ту, что когда-то практически заменила мне мать и при каждом удобном случае смывалась к Дэну. Что касается Алисы — то поначалу она даже лоббировала, если выражаться языком Марата, интересы своей нежданно-негаданно обретенной падчерицы. Алиска пыталась устраивать то девичьи шушуканья под попус, которую я тихо ненавидела, то походы по магазинам, которые я терпела чуть дольше чем ля-ля-и-опля. Наверное, у Алисы были не совсем верные представления о том, чем должны заниматься дочери богатых папиков — но я упорно не делала никаких телодвижений ей навстречу, которые помогли бы прозреть истину; скорее я просто тихо злорадствовала и не слишком воспитанно забавлялась. Каюсь, иногда мне даже было жаль растерянную Алиску, потому как

характер у меня, как утверждает Марта, отнюдь не сахар — и ей, знающей меня лучше остальных, приходится верить. По части внутреннего устройства я пошла неизвестно в кого — во всяком случае, любви к изящной словесности в нашей семье потомственных технарей и экономистов раньше не наблюдалось. Иногда Марта в сердцах заявляет что я — вылитый Марат, но это вряд ли: конечно, я способна на спонтанные поступки и мгновенные решения (я отнюдь не намекаю на его скоропалительную женитьбу) — но меня легко уговорить сначала попробовать воспользоваться мозгами. Что касается внешности — то и тут я не удалась ни в Марту, ни в Марата, ни в свою непутевую, но прелестную покойную мать, которая до того как в совершенно невменяемом состоянии умудрилась утонуть просто дома в ванне, могла обаять кого угодно, хоть гипсового пионера в парке культуры и отдыха. Впрочем, одна черта характера у меня действительно отцовская: давить на меня бесполезно. Чуть что не по мне, я тут же поднимаю колючки дыбом, и становлюсь похожа на ежа — причем даже не на одного, а на целое ежиное стадо. Если перечисленного вам мало, то помножьте все еще и на юношеский максимализм, которым меня постоянно попрекает все та же Марта — несомненная идеальная тетка, сестра и золовка.

Нельзя сказать, что мы с Алисой не сошлись

характерами — просто она постепенно отошла в сторону, заняв наблюдательную позицию — и в этом была своя логика. Нашей молодой женочке нужно было строить личные отношения, и ей надоело амплуа то ли сестры, то ли молодой мамочки. Решение было на редкость верным, потому как задерживаться в отцовском доме я не собиралась. Алиса считала что я пофокусничаю тут еще год-два, поморочу голову всему семейству, доведу до белого каления тетку и отца, а потом фьюить! — и выйду замуж. И только они меня и видели. А Алиса останется молодой хозяйкой — да еще и при Марте, которая все знает, все умеет, и особо не отсвечивает. Так что Алиса все рассчитала правильно — кроме моего предполагаемого замужества, разумеется. Да, мне не терпится покинуть семейное гнездо, но замуж за кого бы то ни было — хотя бы и за Дэна, я не собираюсь. Если вы спросите моего личного мнения — то я вам его озвучу: замужество как институт умерло. И даже уже плохо пахнет. Так что приближаться к нему я не собираюсь и на пушечный выстрел. Что касается отношений... я хочу быть только равноправным и равнозначным партнером — и ничего больше. Идти рядом. Заниматься своими делами и при этом посылно интересоваться чужими. Путешествовать по миру (б-р-р-р, только не Англия!).

В конце концов мы с Алисой плавно и незаметно отделились друг от друга на безопасное расстояние — благо, пространство позволяло. Все последнее время мы общались только на уровне «да-нет-привет-уже уходишь?» — и, наверное, это было правильным. Она осваивалась в мире розовых кабриолетов, белого золота, черных джипов и такого же цвета бриллиантов, шуб и холодильников для шуб. Марат, в свою очередь, тешился ею, как любимой игрушкой: баловал и гордо выставлял напоказ — даже в тех случаях, когда присутствие Алисы было совершенно не обязательным. Поэтому неудивительно, что похитили как раз ее, а не меня, или, скажем, Марту: молодая красавица жена была куда более соблазнительной мишенью, чем никому не нужная невзрачная падчерица, или ее тетка — синий чулок, она же дама с дворняжкой.

Нет, не подумайте, что я тихо ненавидела красавицу Алису: для ненависти нужны веские основания, а я ее и узнать-то толком не успела! И потом: как бы ты не относился к человеку, но любые насильственные действия в отношении кого бы то ни было — это ужасно. При одной мысли, что на меня могли напасть где-то в городе, связать, а потом увезти в неизвестном направлении, по коже снова продрал мороз. Я очень надеюсь, что Алиса вернется домой целой и невредимой. И мне очень хотелось бы, чтобы это случилось скоро.

Александра, племянница Марты

— Саша, ужинать будешь? — спросил за дверью голос Марты, и тут же трубно высморкались.

— Буду, — пообещала я неопределенно. Выходить не хотелось. Но чипсы давно куда-то провалились, а вода из крана, сколько ее не пей, объем, конечно, занимала, но только прибавляла бурчания в животе.

Вообще я могу есть сколько угодно и когда угодно... и даже сегодня. А, собственно, с чего бы мне отказываться от еды? И кому от этого будет легче? То что случилось — уже случилось... а ждать новостей все же лучше не на пустой желудок.

Непонятно, как Марта умудрялась столько лет меня воспитывать: сходства у нас никакого — ни внешнего, ни внутреннего. Как я уже говорила — она красавица. Просто ей было некому это сказать. А заодно и посоветовать сменить очки и выкинуть на свалку истории свой гардеробчик. Или же выслать его до востребования нуждающимся мисс и миссис Великобритании — там, в определенных кругах до сих пор такое носят. Я тоже, разумеется, никакая не икона стиля: мои вечные дырявые штаны и ботинки вселяют в Марту, одевающуюся а-ля «учительница первая моя» благоговейный

ужас, но к разряду писксов моды не относятся. Просто мне в них комфортно — а чего еще желать? Иногда мне кажется, что в этом мы с Маратом очень схожи: на его не чуждой тренажеров фигуре до сих пор здоровски смотрятся простые белые футболки и джинсы. Костюмы и галстуки — для деловых переговоров; в остальное же время Марат одевается вполне демократично, иногда даже и в такие милые моему сердцу рваные штаны. Марта рядом с нами в своих юбках-плиссе и таких же старомодных блузках выглядит ожившим анахронизмом: не то домохозяйкой, не то старой злющей девой-неудачницей — что совершенно не соответствует истине; наша Марта — существо милейшее... ну, и старая дева — это факт. Да что я, в самом деле прицепилась к Марте? В конце концов, как хочет, так пусть и одевается! Но мне до сих пор интересно — где она откапывает весь этот винтаж: плиссе, гофре и рукава-фонарики? Наверное, все это вылавливается в тех же глубинных омутах, где и громоздкие роговые оправы, носовые платки с кружавчиками и туфли-лодочки. Впрочем, лодочки у Марты очень даже ничего — как и тонкие щиколотки, и изящные запястья. Да, совсем забыла сказать: общих привычек у нас с теткой тоже нет. Марта встает ни свет ни заря, и сразу развивает бурную хозяйственную деятельность. Энергии у нее хоть

отбавляй — даже больше чем у Марата. Именно на Марте держится весь наш немаленький дом, а вовсе не на приходящей прислуге, не на Алисе, которая только путалась у Марты под ногами, делая вид что тоже очень интересуется садовыми цветами и заготовкой огурцов в зиму, и, конечно же, не на мне. От меня в домашнем хозяйстве так же мало пользы, как и от Мартиной беспородной собаки, с очень подходящей происхождению кличкой Рекс. С этого кудлатого чудовища постоянно сыплется шерсть и, сколько его ни мой, он все равно жутко воняет псиной. К тому же Рекс обожает валяться в постели — все равно чьей. Этой милой привычкой он приводит Марата в бешенство, и после каждого покушения собаки на его ложе — теперь уже супружеское — раздражается дикий скандал. В свою комнату Рекса, которого я фамильярно называю Кабыздохом, я также впускаю неохотно.

За окном снова валил снег, косо и стремительно летящий в световых конусах дальних дорожных фонарей. Я вздохнула, и вышла в коридор. Под дверью маялись Марта и Рекс.

— Так ты ужинать будешь? — спросила Марта почему-то шепотом.

— Буду.

— Ну тогда пойдя, яичницу себе зажарь.

— Ты сама мне зажарь, ладно? А то у меня всегда яйца растекаются. А я лучше с собакой

погуляю.

— Саша, Марат не велел выходить! — затрепыхалась тетка, и схватила меня за руку, как будто я собралась уйти из дому навеки. — Пойдем со мной в кухню, хорошо? А Рексик и сам погуляет.

— Да что со мной делается! — я в сердцах выдралась из цепких Мартиных пальцев, и потопала вниз, сопровождаемая всхлипами, причитаниями и радостным поскуливанием Кабыздоха, который уже стоял у подножия лестницы, но снова скакать по ступеням вверх не желал, ввиду преклонного возраста и нажитого с годами лишнего веса.

Марта почему-то не пошла в кухню, а осталась стоять на площадке. Она смотрела на нас с Рексом сверху, и вид у нее был странно виноватый: впрочем, большую часть времени он у нее как раз такой. Именно выражение лица и не дает разглядеть, что она действительно красива — а вовсе не ее жуткие одеяния. Не понимаю, как с таким выражением лица можно было работать психологом? А ведь Марта — с ее слов, конечно, занималась этим весьма успешно до того, как я свалилась ей на руки. Не думаю, что она врет, или хотя бы сильно преувеличивает: неумные фантазии скорее в моем характере, чем в ее. Мне кажется, Марта приобрела такой несчастный вид от своей работы, когда принялась взваливать на себя

вины всех и вся: супругов, которые не могут найти общий язык, жен, терпящих побои, или мужей, чьи пьющие жены неизвестно зачем рожают детей... Впрочем, я не хочу быть слишком строга к Марте — для меня она сделала все. Или почти все. Но психолог из нее все равно никакущий — по крайней мере, по отношению ко всем нам. Марта невероятно доверчива, и я беззастенчиво этим пользуюсь. Не так давно мне понадобилось дополнительное вспомоществование, и я, состроив печальную физиономию, попросила денег у нее. Естественно, при этом я драматическим шепотом попросила ничего не говорить Марату. Эта дурочка даже не осведомилась, на что я собираюсь употребить просимое — так горестно я поковыляла к себе наверх. Наверняка подумала, что у меня свинтили кошелек...

Марат сидел в гостиной, у камина — прямо напротив любимого кресла Алиски. Но... она не сидела в нем с ногами, как всегда, и камин тоже не горел. В нем лежала лишь жалкая кучка холодной золы. Я боялась даже взглянуть в его сторону... и поэтому просто прошла мимо, ускоряя шаг, и делая вид, что Рексу приспичило. Я просто прошла... хотя мне ужасно хотелось усесться прямо на пол возле кресла и прижаться к его ноге. Не знаю, почему я этого не сделала. Может быть потому, что рядом с Маратом лежали сразу две телефонные

трубки, и место было занято ими? Наверняка телефонный звонок, которого он так напряженно ждал, сейчас был для него важнее, чем я... И еще — он старательно не смотрел на эти проклятые телефонные трубки, и это было еще хуже, как если бы смотрел.

Марат, отец Александры

Наверное, я мог бы сидеть в спальне, или в кабинете, но я неизвестно зачем упрямо торчал тут, на виду, и они все шарахались от меня как от прокаженного, даже эта никчемная собака. Пес протрусил за Сашкой, цокая когтями, но она даже головы не повернула в мою сторону. Боялась побеспокоить? Не хотела мешать? Однако я мельком услышал в параллельной трубке, как она болтала с этим своим... Нет, я не хотел подслушивать о чем они... боже упаси меня шпионить еще и за Сашкой! Как будто она в чем-нибудь могла быть виноватой... просто я зачем-то брал в руки эти трубки и жал... нажимал кнопки, как будто этим мог что-то ускорить... или исправить.

Я бы очень хотел, чтобы она, моя девочка, такая похожая и такая другая одновременно, остановилась, подошла ко мне, прижалась, или даже села на пол у моего кресла, совсем как

когда-то в детстве, и положила голову мне на колени, а я... Что сделал бы я? Мысль о том, как давно я не касался Сашкиных волос, словно обожгла меня. Как случилось, что мы стали такими чужими?! Или почти чужими. Сашка выросла, а я женился. Кажется, она не слишком переживала по этому поводу. Но теперь я не так в этом уверен. Вернее, теперь я не уверен ни в чем. Чего я только не передумал за эти часы пустого ожидания! Я даже стал склоняться к тому, что Алису не похитили. Что все это — чей-то весьма хитроумный розыгрыш. Что, если она попросту бросила меня, а теперь?..

— Ты, омерзительная собака! Зачем ты затолкал кость в мой сапог? — донесся высокий Сашкин голос.

— Сашка, ты куда? — запоздало крикнул я, не додумав мысль, которую, вероятно, не нужно было додумывать; но, разумеется, она меня не услышала. Хлопнула дверь — и та, по которой я, оказывается, почти год так жестоко скучал, что от этого даже женился, вышла в темноту ночи. Отправилась гулять с собакой — а на самом деле просто сбежала: потому, что не смогла высидеть целый день в доме... в этой тяжелой, как топор, атмосфере ожидания неизвестно чего. «Словно бы покойник лежит, которого пока не похоронили», — от этой мысли я так сжал зубы, что заныли скулы. Нет, не может быть, чтобы она меня бросила... да и с чего

бы Алисе меня бросать?.. Но... вдруг она попыталась бежать, и бандиты ее УЖЕ убили?! А я все сижу здесь и жду... жду... неизвестно чего и неизвестно зачем. Я, который все и всегда привык делать быстро, устраивать большие и малые дела, устранять препятствия, решать нерешаемое и делить неделимое... например, свою любовь. Наверное, Сашке все же ее НЕ ХВАТАЛО. Иначе она бы не прошла сейчас вот так... не сказав ни слова.

Боковым зрением я видел напряженное лицо Марты, но что я мог сказать ей? С которой тоже не обнимался, не делился сокровенным, и вообще не был близок уже много, много лет? Я только выстраивал отношения... такой простой и незамысловатой линией — чтобы всем было удобно. А было ли удобно ИМ? Сашке и Марте? Которые вовсе не так просты и незамысловаты, как кажется на первый взгляд? И почему ЭТО начало волновать меня именно сейчас — когда пропал совсем другой человек? Моя жена... с которой я тоже быстро перешел на налаживание бесхитростных связей: ты — мне, я — тебе. И когда я чувствовал, что чего-то недодаю, я прихватывал по дороге первое попавшееся: цветы, коробку конфет, какую-нибудь дурацкую безделушку — которых уже некуда девать в ее комнате. Возможно, Алиса не попала бы в такой переплет, не начни она

постоянно сбегать из дому... она устроена куда тоньше меня, и, наверное, чувствовала, как с каждым днем теряется то самое, настоящее, которое было у нас вначале... ей было тут душно, как и Сашке. Зря я настоял на том, чтобы она бросила свою работу... очень зря! Куда Алиса постоянно ходила в последние месяц-два, и зачем? Теперь уже поздно спохватываться и выяснять... Как поздно и не нужно напоминать Марте, что на улице опасно, и что она зря не остановила мою дочь. Которую растила и воспитывала как свою собственную, когда я решил что с меня хватит вечных семейных ценностей. И меня все устраивало, я делал что хотел, и жил как хотел... а они просто существовали где-то параллельно. И Сашка ощущала эту мою отстраненность — потому и выросла такая. Она была накормлена, здорова, а Марта следила, чтобы она не дай бог не пристрастилась к спиртному, как ее несчастная мать, и не принесла в подоле. А что в это время делал я? Выступал в роли финансового начала? Довыступался...

И даже если Алиса жива... если я заплачу сколько попросят... вряд ли они вернут ее. За эти сутки я прочел о похищениях столько, что голова уже шла кругом... Но больше всего меня доводило до белого каления то, что я не мог ничего, кроме как сидеть и ждать... ждать... чтоб хотя бы

удостовериться, что моя жена жива! А если бы похитили не ее, а Сашку?! Я бы тоже так сидел?! Значит, ударили не в самое больное место? За Алису я буду еще тянуть время и торговаться, чтобы все работало как и прежде, без сбоев и накладок — а за Сашку без разговоров отдал бы все. Все — и даже бы не рассуждал! Скотина... какая же я скотина! Втихомолку строю планы, и подсчитываю, сколько могу отдать за Алису, чтобы все не рухнуло. Значит, столько я могу, а больше — нет, она этого не стоит?! Как удобен был мой цинизм, который, оказывается я все всю жизнь почему-то называл деловой хваткой и здравым смыслом!

Наверное, все это нужно было просто срочно куда-то девать... срочно выплеснуть вон из себя... поэтому я и заорал:

— Марта! Марта!! Сколько можно бродить в этих сугробах с этим чертовым ублюдком?!

Я кричал и бесновался, пока не сорвал голос. Это было глупо. Глупо! Марта успела добежать только до середины лестницы, а потом она села на ступеньку и заплакала. Закрыв лицо одним из этих своих дурацких кружевных платочков. Плечи ее тряслись и вздрагивали, из тяжелого узла волос на затылке летели шпильки.

Я встал и пошел к ней — своей сестре, которую сейчас смертельно обидел... поставил

вровень с прислугой... а разве я не так поступал всю жизнь?

— Успокойся..., — сказал я больше себе, чем ей. — Сашка сейчас вернется. Она никуда не денется. В пределах участка за нее можно не волноваться.

Я всегда был слишком спокойным и уверенным... в своих собственных пределах. В своем маленьком королевстве, которое так легко оказалось разрушить. Замки на песке... Была у зайца избушка лубяная, а у лисы — ледяная... так Марта читала Сашке в детстве, старательно выговаривая каждое слово. Теперь ледяная избушка оказалась у меня самого. И я отчаянно замерзаю в ней сейчас. Потому что я — один. Совсем один. И если я потеряю еще и Алису... Я не могу потерять Алису! — вдруг понимаю я. Ее нужно вытащить оттуда... любой ценой. Любой ценой! Но вместо того чтобы объяснять все это всхлипывающей Марте, я бормочу:

— Она не может сидеть целый день в своей комнате. Не может, Марта! Так что если хочет мерзнуть на улице в компании пса, пускай... Сейчас я пойду и посмотрю где она... и заберу их домой.

Я понимаю, что говорю что-то не то... Что надо бы сказать, как они дороги мне: Сашка и Марта... но это нужно было говорить много лет назад... очень много лет назад. Но не сейчас —

когда я испуган... растерян. И она тоже испугана и растеряна. Но я все же решил попробовать:

— Марта, — начал я. — Я знаю, что это ты...

Я неловко потянулся к ней — потому что сто — нет, двести лет не обнимал свою сестру-близнеца. Я не успел сказать, что это именно она держит всю нашу семью вместе — потому что Марта вскрикнула, как будто увидела привидение, а под моей ногой омерзительно хрустнуло.

— Черт! — я понял, что раздавил Мартины очки.

Она беспомощно смотрела на меня моими же глазами: пронзительно-синими, в обрамлении густых, слипшихся от слез ресниц. Без этой чудовищной оправы лицо у нее просто иконописное, нежная кожа, и очень тонкая шея. Еще я знаю, что у нее красивая линия ключиц, и она очень пропорциональна, и фигура у нее все еще девичья, хотя она не проводит по три вечера в неделю в спортзале, как я.

— Нужно немедленно забрать Сашку!

Моя сестра срывается и бежит вниз по ступенькам — прямо так, без очков, без которых, как я знаю, она и шагу ступить не может. Но она знает этот дом как свои пять пальцев, поэтому буквально летит ко входной двери — на всякий случай выставив вперед руки. Я ее уже не вижу — но слышу как в вестибюле она налетает на мою

дочь.

— Слава богу! Слава богу! — Марта плачет, а Сашка что-то бормочет — отсюда не разобрать. Должно быть, по привычке выдирается из объятий и одновременно утешает тетку.

Собака оглушительно лает и, пользуясь моментом, наверняка облизывает всех подряд.

Я верчу в пальцах изуродованную, лопнувшую пополам оправу. Ничего, у Марты полным-полно подобных артефактов... но почему МНЕ никогда не приходило в голову купить ей что-то более подходящее? У Сашки после мороза раскрасневшееся, свежее лицо.

— А почему ты без очков, Марта? — замечает она.

— Я сломал...

— Ты все ломаешь!.. Ты все портишь!.. — вдруг взрывается заплаканная Марта — и мы с Сашкой одинаково таращим глаза и открываем рты.

— Ты!.. Ты!.. — Марта рыдает и почти заталкивает платок в рот. Я не знаю, что делать в случае истерики: бежать за водой, лекарствами, вызывать «скорую»? Сашка остолбенело торчит в трех шагах от Марты и не делает ничего. Собака выкатывает свои глаза-пуговицы и начинает выть. И одновременно взрываются звонком оба телефона.

Алиса, жена Марата

— Пожалуйста, не надо! Пожалуйста!
Пожалуйста!

Я не знаю, как это у меня вырвалось. Я же поклялась не открывать рта, не говорить с ними, тем более не просить ни о чем! Да и как можно разговаривать хотя бы вот с этим?.. этим... этим поганым уродом, мерзавцем, с этой свиньей?!.. Которая вчера стащила с меня все, оставив только трусики и лифчик... и то только после моей истерики, когда я так кидалась и билась, что они вкололи мне какую-то дрянь... Но когда я пришла в себя — в какой-то камерке без окон — скорее всего, специально оборудованной для похищения: стенки обшиты толстым слоем пенопласта, а до бетона я так и не доковыряла — трусики и лифчик все еще были на мне. Насиловали ли они меня? Не знаю... Вряд ли это входило в их планы, и вряд ли это было нужно. В тот момент я и так была совершенно сломлена. Подавлена. Раздавлена. Опустошена. Я не знала, где я. И как долго я буду тут оставаться. И я не знала, ищут ли меня... И выйду ли я отсюда живой. И кто они: мои похитители. Впрочем, я и сейчас этого не знаю.

Я сижу, хватая ртом воздух, тупо уставившись в стену этого чулана, дверь которого открыли — наверное, специально, чтобы я не задохнулась. Значит... значит я нужна им живой. Во всяком

случае, пока. Пока Марат им не заплатит.

Лица не было видно: парик, колпак с белым помпоном, пышная борода, а ниже — ожидаемое: красно-белые штаны, и такая же куртка; словом костюм Санты. Только вместо кожаного широкого ремня того, кто приносит подарки — белый спортивный пояс для каратэ, завязанный по всем правилам. Глаза скрыты за темными очками, хотя здесь и так не светло. И даже не ясно, который час.

Поворачиваюсь и исподтишка через щель своего узилища рассматриваю остальное: грубо оштукатуренные стены, каменный пол... подвал? Окон нигде не видно, но откуда-то льется свет — не слишком яркий... интересно, если я сейчас закричу очень громко, меня кто-нибудь услышит? Я вспомнила вчерашний день — или же это был все-таки день сегодняшней? — когда я орала так оглушительно, как только могла, брыкалась и даже кусалась, но... я по-прежнему здесь. Значит, никто ничего не слышал. «Они бы не рискнули привезти меня в жилой дом, — думаю я. — Значит, это промышленное помещение. Зброшенный завод? Пустующий склад? Но зачем тогда пенопласт, если это, допустим, большой завод? Там кричи — не кричи, за километр никто не услышит... Значит, здесь есть кому слышать. Значит, есть и другие люди. Рабочие? Или хотя бы сторож?»

Пока я предаюсь размышлениям, появляется

еще один Санта, похожий на первого как брат-близнец. Только каратешного пояса нет. Вместо него — дешевка из красной мохнатой тряпки. Второй Санта молча бросает на непокрытый ничем матрас, где я сижу, маленькую бутылочку воды и булку в шуршащей прозрачной упаковке. Первый Санта отворачивается и куда-то исчезает. Второй садится на корточки и начинает рассматривать меня, как редкого зверька в зоопарке. Я трясущимися руками перебрасываю спутанные волосы вперед, так, чтобы они хоть как-то прикрывали этот чертов сексуальный лиф, который я в тот день надела неизвестно зачем и неизвестно для кого. Трусы прикрыть нечем, и внезапно во мне вскипает злость:

— Да пошел ты!.. — взвизгиваю я и швыряю булку прямо ему в физиономию. Она стучается об очки и падает на пол. Где-то в бороде прячется глумливая улыбка. Он поднимает булку и точным броском зашвыривает ее в угол чулана.

— Да пошел ты... — еще раз говорю я, и не с первого раза отвинчиваю пробку. Пить хочется невероятно... и я пью... пью... пока вода не заканчивается.

— Мне в туалет нужно.

Санта-второй достает трубку и что-то туда говорит. Вытягивая шею, отчаянно пытаюсь разглядеть модель... хотя что мне это даст? При

очередном повороте становится ясно, что это совсем не мобильник, а что-то типа военной рации. Руки похитителя, на которых могут быть кольца, татуировки, или другие особые приметы, тоже не видны: на них латексные медицинские перчатки.

Входит первый — тот который с поясом. В руках у него ночной горшок и рулон туалетной бумаги. Он молча ставит все это прямо передо мной на каменный пол.

— Я не буду... ходить на горшок!

У меня дрожит голос, дрожат руки, губы, и внутри тоже все дрожит.

— Будешь. Причем прямо здесь. А станешь выёживаться, пристегнем наручниками к батарее. Голую. И ходить будешь прямо под себя. Поняла? Я спрашиваю — поняла?!

Нельзя смотреть похитителям в глаза... я где-то это слышала. Но у этого глаза спрятаны за очками. И я просто не могу оторвать от них взгляд, я чувствую их за этими овальными зловещими зеркальцами, отражающими искаженную, исковерканную меня; они — как два черных дула, которые вот-вот выстрелят... Я давлюсь воздухом и молча киваю.

— Уберешь потом за ней! — шипит второй Санта и выходит. Гулкие шаги... точно, это подвал. Один, два, три, четыре... девять... затем хлопает дверь и больше ничего не слышно.

Почему-то я боюсь первого Санту, который с поясом от кимоно, гораздо меньше. Он молчит, когда я затаскиваю горшок в пенопластовую берлогу, в самый дальний угол, и пытаюсь закрыть дверцу. Ручки с внутренней стороны нет, и я оставляю на крашеном пенопласте длинные царапины. Первый Санта сидит, и безучастно смотрит — а я все скребу и скребу ногтями, пытаюсь пригнуть эту дверку плотно... отгородиться... спрятаться...

— Пожалуйста... пожалуйста... — мне кажется что я говорю это про себя, но оказывается — я шепчу вслух... а потом уже не шепчу, а кричу... вскрикиваю и захлебываюсь.

Он встает и толчком прихлопывает проклятую дверцу.

— Быстро! — приказывает он, и я понимаю, что он тоже боится того, второго, зеркального... до которого девять шагов и запертая дверь.

Я судорожно киваю в полной темноте и ощупью сажусь на горшок. Однако быстро ничего не получается — из меня просто ничего не выходит. Меня переполняет... распирает до рези... мне нужно это сделать — но я не могу!

— Забери... я не могу. У меня не получается! Ничего!.. Ничего не получается!.. Никогда!.. Никогда не получалось!.. Ничего!! Ничего хорошего!!! Ни с кем!! Все!! Все... они...

пошли!!! — я кричу шепотом, памятуя про того, второго, а потом уже и не шепотом. Просто кричу. Ору изо всех сил. Плачу. Бьюсь головой о пенопласт, от соприкосновения с которым волосы становятся дыбом, и лезут в мой распяленный в крике рот. Я захлебываюсь слезами и соплями, и давлюсь этими проклятыми волосами, которые так нравились Марату... который не звонит! Никогда не позвонит и не заберет меня отсюда!! Внезапно мне становится уже все равно — прикуют они меня к батарее, или нет, и я кричу так громко, что срываю голос — но продолжаю кричать, и хрипеть, и выть. Теперь мне можно все: я знаю, что не выйду живой из этого подвала. Никогда. Никогда, никогда, никогда, никогда, никогда!!!

Марат, муж Алисы

— Твоя жена у нас. Слушай внимательно: никакой полиции. Иначе она умрет. Никаких частных детективов. Иначе она умрет. Никаких мобильных телефонов. Иначе она умрет. Никаких определений наших номеров — иначе она умрет. Никаких отклонений от плана. Иначе она умрет. Ты заплатишь за нее пять миллионов долларов наличными, купюрами не больше 20 долларов...

— Иначе она умрет?

Голос у меня должно быть такой, что Сашка и

Марта столбенеют рядом. Они смотрят на меня во все глаза. Наверное, я веду себя как-то не так. Слишком развязно разговариваю для убитого горем мужа? Марта делает движение, чтобы взять параллельную трубку — но я жестом не позволяю ей этого — мало ли как может быть расценен щелчок — вдруг они подумают, что разговор уже пишет полиция? Поэтому нажимаю кнопку громкой связи.

Секундная заминка, и на том конце снова монотонно продолжают:

— Никаких записей наших разговоров — иначе она умрет. О передаче выкупа мы договоримся позднее.

— Когда? — я чувствую, что во мне все закипает. — А теперь слушайте меня! Первое: я хочу услышать голос своей жены. Я хочу с ней поговорить! Никакая запись ничьих голосов меня не устроит! Я буду говорить ТОЛЬКО со своей женой! О том, о чем посчитаю нужным! Только тогда я буду платить. Второе: больше никто из моей семьи не должен пострадать. Ни до передачи Алисы, ни после. Только тогда я буду платить. Если вдруг с кем-нибудь из моих близких что-то случится: они пропадут, или попадут в аварию, например, я обращусь не в полицию — я сам найму профессионалов и они вытрясут из вас то, что у вас находится на месте души. Понятно? Далее третье:

мою жену должны содержать в нормальных условиях. Нормальных! Никаких моральных и физических унижений — и чтобы она мне об этом сказала. Только тогда я буду платить. Четвертое: про мобильные телефоны — забудьте. Сутки я шел у вас на поводу, но теперь я и моя семья будем пользоваться средствами связи, как и раньше. Только так я могу быть уверен, что они все в безопасности. Только так я могу общаться со своими сотрудниками, и собирать деньги. Пятое: никаких пяти миллионов мелкими купюрами вы не получите. Потому что это — нереально. Если я начну собирать мелкие купюры в таком количестве и по всем банкам, даже через подставных лиц, то это сразу же вызовет вопросы у той самой полиции, которой вы так боитесь. И, наконец, шестое: крупными купюрами вы тем более ничего не получите. У меня просто нет пяти миллионов. Чтобы срубить такую сумму вашим опасным трудом, нужно было похищать другого человека. Вам понятно?

— У тебя есть пять миллионов.

— Может быть, и есть. Но не наличными, и не в банке, придурки! Я не могу изъять деньги из бизнеса! На это потребуются месяцы! Сейчас кризис, никакой бизнес невозможно быстро продать, и забрать вклады из банка тоже нереально! Я предлагаю вам пятьсот тысяч. Это все, что у меня

есть. Это очень большие деньги. Я не буду обращаться в полицию. Возьмите пятьсот тысяч и отпустите мою жену. И давайте сделаем это быстро.

— У тебя есть пять миллионов.

— У меня есть пятьсот тысяч.

— У тебя есть пять миллионов. Или она умрет.

— Мы все умрем! С пятью миллионами, или без — но мы умрем все до единого.

— Как скажешь, брат... — гадкий смешок слышен на весь дом. — Как скажешь! Только умереть можно и по-разному, правда? Если через три дня мы не получим хотя бы часть денег, ты получишь ее прелестное ушко. Вместе с бриллиантовой сережечкой получишь — мы не мелочимся, брат. Потом — пальчик с обручальным колечком. Жаль, что внутри она не носит никаких украшений... Там у нее просто потроха. Которые сейчас трясутся от страха, что ты не заплатишь. Что ты предпочитаешь: сердце, печень, почку, или, может, ее матку с тем маленьким зародышем, который в ней есть?

У меня темнеет в глазах. Внезапно рядом оказывается Марта. Одним движением она выхватывает у меня трубку и говорит:

— Да. Хорошо. Мы все поняли. Мы заплатим. Но на это нужно время. Мы постараемся быстро. Но пожалуйста, дайте нам неделю! И, пожалуйста,

не делайте Алисе ничего плохого! Пожалуйста, дайте ей поговорить с Маратом.

У Сашки огромные глаза. Она тяжело дышит. Я тоже тяжело дышу. Я выдергиваю трубку обратно и чуть не роняю ее — она вся мокрая от Мартиных пальцев. И снова все тот же смешок, от которого я ощетиливаюсь, как готовый драться волк:

— Твоя сестра вежливая женщина! И гораздо более сговорчивая. Приятно иметь с ней дело. Ладно. У вас есть неделя.

— Мне нужны гарантии! Что с Алисой все будет в порядке!

— Завтра, — говорит трубка. — Завтра. — Завтра в это же время.

Короткие гудки ввинчиваются в мозг.

— Я не знала, — лепечет рядом Марта. — Я не знала...

— Этого не может быть, черт побери!! Этого просто НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!

Я швыряю ни в чем не повинную трубку о стену с такой силой, что осколки брызжут во все стороны.

— Она вернется... вернется... мы ее вернем!

Марта плачет своими прекрасными близорукими глазами, а ее кошмарный пес тут же начинает лизать ей лицо.

— Саша, иди к себе! — приказываю я.

— Но я...

— Саша, иди к себе!

Мой тон холоден, как вечная мерзлота. Как железный пожарный кран, который когда-то в детстве, в лютый мороз, я спровоцировал лизнуть Марту. И точно так же как тогда, сейчас я не знаю, что делать дальше. Сашка поворачивается и идет наверх как слепая, ощупывая каждый сантиметр перил. И я понимаю, что она тоже плачет.

Марат, брат Марты

— Давай поговорим, Марта.

Господи, да почему у нее вечно такое испуганное выражение лица? Совсем как в детстве, когда она стащила сливу из моего компота, спрятала ее за щеку, а потом сидела, и не могла ни проглотить, ни разжевать. Слива торчала желваком у нее за щекой, а она, бедняжка, точно с таким же выражением ждала, когда ее уличат. Глупая, доверчивая, беспомощная Марта...

— Ты что, не будешь платить выкуп? — пугается она.

— Я БУДУ платить, — говорю я с нажимом. — Я буду платить в любом случае.

— Что значит... в любом случае?

— Беременна Алиса, или не беременна, и чей это ребенок — мне все равно. Я буду платить В

ЛЮБОМ СЛУЧАЕ.

— Как это — чей ребенок? — тут же вскидывается та, которая самоотверженно вырастила Сашку и ни разу не задала ни одного ненужного вопроса. — Это что... не твой ребенок?! Я... я не понимаю!

— Возможно, сейчас не самое лучшее время для такого разговора... и я вообще не хотел тебя в это посвящать, но... я сделал вазэктомию, Марта.

— Ну и что?

Она так оглядывается по сторонам и щурится, что мне становится неловко: нужно было не тащить ее в свой кабинет, а сначала отыскать ее запасные очки. И объяснить ей что такое вазэктомия.

— Где твои очки? Я принесу.

— Пусть Сашка. Она знает где. В верхнем ящике тумбочки, возле кровати. Я сейчас ей позвоню...

Марта по привычке начинает шарить в поисках мобильного — но свой нелепый пиджачок в стиле «Шанель сдохла, если бы примерила» она оставила внизу, я это прекрасно помню. Сашкин же мобильник и вовсе у меня.

— Твой телефон внизу, Марта. Схожу-ка я сам. Найду очки, заодно отдам Сашке ее любимое средство связи. Она без него примерно как ты без очков.

— Нет! Она же начнет звонить этому своему

Дэну... еще и удерет к нему, с нее станется!

Марта начинает тревожно вертеть головой во все стороны — но я тут же ее успокаиваю:

— Пускай звонит. Он не станет с ней разговаривать.

— Откуда ты знаешь?! — она так удивляется, что начинает сильно щурить глаза — наверное, хочет поймать мой взгляд. Я знаю, что ей некомфортно, если она хорошо не видит собеседника, и поэтому возвращаюсь, сажусь рядом и беру ее за руку:

— Я с ним поговорил. Просто как мужчина с женщиной. Что для Сашкиной безопасности будет лучше, если они временно не будут общаться.

— Для Сашкиной безопасности будет лучше, если они **ВООБЩЕ** не будут общаться, — бурчит Марта, и выдергивает из моей ладони свои холодные как лед пальцы. — Я ему не верю! Он... он скажет одно, а сделает другое! Он... он просто патологический враль! И Сашка попала под его влияние! Вот увидишь, она тут же помчится его искать!

— Марта, я взял с него слово. И я ему **ВЕРЮ!**

— Никому нельзя верить! — запальчиво кричит она. — Никому! Сколько раз ты брал слово с Маргариты?! И что?! Она бросила пить?! Она подумала о ребенке?! О тебе?!

— Марта, это было сто лет назад...

Меня передергивает даже от одного имени Маргариты — хотя это действительно было сто лет назад.

— Все идет по кругу, — горестно восклицает Марта. — Все возвращается!

— Ты имеешь в виду мои семейные проблемы? — холодно спрашиваю я.

— Я совсем не это хотела сказать... — теряется моя сестра, которую я знаю как облувленную. Она отводит глаза и я понимаю, что Марте не нужно объяснять что такое вазэктомия. И что меня она тоже знает как облувленного. И понимает, почему я не хотел детей от Маргариты. Каким-то седьмым чувством Марта с самого начала вычислила, кто она такая, и сразу приняла мою первую жену в штыки.

— Ты не любишь Алису, — констатирую я.

— Я люблю тебя! — запальчиво говорит Марта. — Я люблю Сашку! И я... я достаточно доказала за все эти годы, насколько сильно я вас люблю!

Я не выношу слез: ничьих — ни мужских, ни женских, но особенно — Мартиных.

— У тебя действительно нет пяти миллионов? — всхлипывая, интересуется она.

Кроме слез я не выношу дома разговоров о деньгах. И потом: даже я сам точно не знаю, сколько стою на сегодняшний день. Кризис,

колебания курсов, обесценивание активов...

— Я могу дать пятьсот тысяч. Я им это предложил. Я думаю, они согласятся.

— А если нет?

— Марта, оставь это все мне, хорошо? Занимайся домом, Сашкой... а это я буду решать сам. Хорошо?

— Боже мой... Алиса действительно беременна?

— Я думаю, это не более чем шантаж. Они просто не знают, что я больше не могу иметь детей. Я никому об этом не говорил. Только тебе и только сейчас.

Однако моя сестра никак не может успокоиться:

— Но зачем ОНИ так сказали?!

— Марта, ты смотришь фильмы ужасов?

— Нет, — удивляется она. — Не смотрю! Ты же знаешь, я не люблю этого...

— Они сказали так, потому что это очень страшно. Особенно таким как ты и я — которые не смотрят фильмы ужасов, но у которых очень развито воображение.

У Марты дрожат губы:

— А если она на самом деле беременна? Вдруг это ПРАВДА?

— Я пойду принесу очки. Хорошо?

— Зачем? Я и сама прекрасно их найду...

Внезапно я думаю: «Действительно, зачем мне идти за ее очками? А главное — возвращаться с ними сюда, к Марте? Я не хочу больше говорить ни о Маргарите, ни даже об Алисе. Марта, как и Сашка, живет в каком-то своем мире. Наша семья — это очень большая страна, где людям, живущим в ее противоположных концах, зачастую нужен переводчик. Мы давно перестали понимать друг друга: я, Марта, Сашка... даже Алиса как будто отдалилась в последнее время. Она не слушала меня, ей не были нужны мои проблемы, ей была не интересная моя работа — которая большей частью суть я сам. Мы встречались за завтраком, а потом ночью — в постели. А все остальное время она прекрасно обходилась без меня... Как Марта. Как и Сашка. Выходит, все мы — чужие? Потому что, как и чужие, начинаем общаться только в экстраординарных ситуациях, а в остальное время говорим совершенно никому не нужные, и не требующие ответа вещи, например: «как прошел день?». И никто не слушает ответов — да и не собирается слушать! Марта кивает как китайский болванчик, а сама втихомолку кидает под стол кусочки своей разжиревшей дворняге. Саша сидит уткнувшись в какого-нибудь гениального Велимира Хлебникова, стихами которого хорошо запароливать финансовую информацию: потому как ни понять, ни повторить такого невозможно; а

Алиса... даже когда мы вдвоем, у меня все чаще возникает отвратительное чувство, что мы с ней порознь. Что из той точки, в которой мы так счастливо встретились, мы начали двигаться не параллельно, а почему-то в разные стороны... И я не знаю, чем занята моя жена весь день: с кем она общается, читает ли она что-то кроме вечно сваленного кучей глянца? Смотрит ли она новости, слушает ли музыку... а если да, то какую? Я не интересовался ничем, потому что привык отмахиваться от всего: от заумного поэта, которого уже никто не читает и не помнит, от проблем с пищеварением Мартиноного пса, от моды, от каких-то японских штучек в горшках, которые Алиса то стрижет, то пересаживает... И если я сам постоянно поворачивался к ним спиной, вправе ли я теперь требовать внимания от НИХ? Желать интереса к своей персоне, которая обычно занята такими вещами, от которых у них сводит скулы? Потому что сам я также не представляю ничего выдающегося: я не создал в своей жизни ничего, что вправе занять собой хотя бы один формуляр в районной библиотеке, или стену в каком-нибудь захолустном музее. Подавляющему большинству людей я интересен лишь тем, что сумел заработать эти чертовы пять лямов, которые эти ублюдки сейчас пытаются с меня стянуть!

Вернуться что ли к Марте, и спросить ее

напрямую, почему мы перестали быть интересны друг другу? Возможно, у Марты есть на этот счет какое-то мнение? Но я боюсь, что Марта снова начнет плакать и снова станет спрашивать о пяти миллионах... и с плохо скрываемой обидой рассуждать о той, на которой я женился столь опрометчиво, сколь и быстро. Да, я не привел ее к Марте, и не познакомил их так, как желала бы моя чопорная сестра. Я помню эти необыкновенные дни: когда я совершенно потерял голову, и думал только об этой девушке, хотел видеть только ее, говорить только с ней — и ни с кем больше. Я был так поглощен своей внезапно вспыхнувшей страстью, что мне не было никакого дела до того, чем жила Алиса до меня, я не хотел войти в круг ее друзей — потому что тогда мне пришлось бы делить ее внимание с ними; и даже ее родители интересовали меня постольку поскольку... Не потому ли, что я сам обрывал все связи, желая владеть Алисой безраздельно, наши отношения быстро свелись только к одному — постели; а все остальное это лишь «спасибо, пожалуйста, передай соль...».

Нет, я не пойду ни к Марте, ни тем более к Сашке, чьей свободой выбора я прямо сегодня также распорядился по собственному усмотрению. Сашка, пожалуй, единственный человек, с кем мне сейчас действительно хотелось бы поговорить — но

и эту дверь я для себя захлопнул! По моей вине моя дочь будет страдать, получив в качестве компенсации лишь сомнительный практический навык, который может пригодиться ей в так называемой взрослой жизни: как научиться говорить и при этом не сообщать ничего действительно важного. Неужели мы отгораживаемся ото всех, в том числе и от тех, кого действительно любим, пустой болтовней, именно потому, что БОИМСЯ? Того, что другие подсмотрят, подслушают, узнают о нас все? И воспользуются нашей привязанностью, любовью, нежностью, страхом, всеми нашими болевыми точками?

Кто-то видел, как я небрежно обнимал Алису, какими пустыми глазами я на нее смотрел... и поэтому выбрали именно ее? Потому что знали, что тут только деньги, и я безропотно их отдам? И после этого забуду все, как страшный сон... тот самый фильм ужасов, о котором наутро уже не вспоминаешь. И что Сашка — это совсем другое дело. Что с Сашкой не получится забыть наутро. Что за маленькую девочку с голубыми заколочками в тонких волосах, которая однажды уже прошла через самое страшное — труп матери в ванне, я найду и уничтожу кого угодно — и сколько бы времени не прошло. И меня не остановят никакие звонки с монотонным повторяющимся рефреном:

«Иначе она умрет». Но... если они так безошибочно выбрали меня: готового платить, чтобы избежать неприятностей за то, что можно решить просто деньгами, значит, я достаточно долго демонстрировал свою слабую сторону? И тем самым просто-напросто спровоцировал тех, кто наблюдал за мной? И что Марта — смешная, ничего не понимающая в жизни Марта снова оказалась права? Да... Все идет по кругу... и все возвращается! Новая жена и новые проблемы. Человек сам творец своего несчастья. И в данном случае этот человек — я сам.

Александра, дочь Маргариты

— Дэн! Это я, Дэн!

— Саш, я не могу сейчас с тобой разговаривать...

— Почему? Ты занят? Лекции? Зачеты? Прямо ночью?

— Вроде того... Саш, понимаешь, у нас тут внезапно все изменилось... поменялось расписание, сечешь?

— Секу, — однозначно отвечаю я, хотя у меня внутри все дрожит.

— И я уезжаю на военные сборы, — частит Дэн, — я как раз собираюсь сейчас, Саш... и надо ничего не забыть... и там не будет связи... и мы все

даем подписку, что не будем звонить домой... никому не будем звонить, сечешь?

— Военные сборы? Под самый Новый год? Ты хоть бы врал поинтереснее! Мог бы сказать, что подрядился играть зайчика в кругосветном турне! Или Деда Мороза! Снегурочку, на худой конец!

— Саша...

— Сколько он тебе заплатил?

Во мне вскипают маленькие пузырьки злости, подбираются к глазам, выжимают ненужные слезы...

— Саша...

Я сглатываю:

— Сколько, Дэн? Ты хоть не продешевил? Хватит на тот горный велосипед, который ты так хотел? Давай я сама тебе его подарю, а? Или он тебе пообещал крутую тачку? Сколько я стою, Дэн?

— Саш, пожалуйста... это только на неделю... максимум на две!

— Значит, он тебе пока дал только на пару пива, да? Остальное по факту? Помахал морковкой перед мордой осла?

— Саш, не глупи. И давай не будем друг друга оскорблять, хорошо? Я действительно уезжаю. Меня не будет в городе.

— А я и не собираюсь тебя искать! Очень надо!

Я в сердцах брякаю телефоном о кровать и

шмыгаю носом. Слезы все-таки нашли дорогу. И я больше чем уверена что за всеми этими сборами, военными тайнами и отсутствием связи стоит Марат! Марат, который делает что хочет, потому что считает это нужным и правильным! Со мной, с Мартой, с Алисой, а теперь еще — и с Дэном! Не дай бог кому-то попасть в поле притяжения Марата... пойти, что ли, закатить ему истерику на ночь глядя? Но тут я вспоминаю: «Иначе она умрет» — и сразу же сдуваюсь как проколотый воздушный шар. Приваливаюсь к стене и натягиваю плед по самые мокрые глаза. Ладно, хватит с Марата и Алисы... которая тоже сейчас сидит или лежит где-то без сна... и думает... и плачет... и не потому, что у нее забрали любимую игрушку — нет... Алиса хочет пережить эту ночь. Просто пережить — и ничего больше. И ей, и всем нам остается только ждать... ждать... Мне кажется, человеческая жизнь большей частью состоит как раз из ожидания. Все чего-то ждут, на что-то надеются — живя при этом начерно, кое-как... и каков, интересно, в результате процент сбывшихся надежд?

Я снова беру в руки мобильник, верчу его и равнодушно откладываю в сторону. Оказывается, у меня и подруг-то нет — во всяком случае таких, кому можно позвонить хоть среди ночи. Мне вообще некому звонить, кроме Дэна... как

случилось, что мне оказался нужен именно он? Что я в нем нашла? Почему мне без него так плохо? Марат считает Дэна ошибкой. Но у Марата была Маргарита... моя мать. Которую, возможно, тоже кто-то считал ошибкой. Марта например. А у Марты есть Рекс — нелепость на четырех лапах с хвостиком-закорючкой и преданно выкаченными глазками-пуговками. Она купила щеночка бельгийского гриффона — хотела бы я видеть того, кто продает бельгийских грифонов незадорого на рынке у метро! — а из него вырос Кабыздох. Возможно, от меня также ждали чего-то большего, чем Дэн, с которым я познакомилась просто в сквере у Универа. Гриффон у метро и сквер у Универа — две вещи, весьма совместные... Но мы любим тех, кого любим: некрасивых, беспородных, бездомных, бесперспективных, нужное подчеркнуть. И даже непорядочных порой любим. И тех, кто нами манипулирует. И зря Марат носится так со мной — я ничем не пошла в него: нету у меня ни неземной красоты, ни талантов, ни железной хватки. У меня присутствует только неумная страсть к чтению. Я — это книги, разбросанные по всему дому: книги в столовой, гостиной, спальне, ванной и даже в туалете, тетради и блокноты, исписанные мелкими, налезавшими друг на друга строчками, многократно исчерканными. Мои стихи несовершенны,

выспренны и часто нелепы... и мне уже шестнадцать. Вряд ли я стану великим поэтом, или я созрею, и из меня вывалится нечто гениальное ближе к сорока. Скорее я стану просто добротным переводчиком: потому что чувствую ритм и стиль, искренность и фальшь... А Дэн сегодня был фальшивым насквозь. Дэн, черт бы его побрал! Как вышло, что у меня нет никого, кроме тебя, предатель? Поговори со мной... поговори со мной, потому что мне сейчас **ОЧЕНЬ** нужно поговорить!

Я выдираюсь из теплого пледа, щедро политого моими слезами, и бреду по дому, словно надеюсь набрести на какой-нибудь секретный запертый чулан... тайник Синеи Бороды с огромными купеческими ларями, полными крови и бальных платьев, или скорее найти сундук Кощея: с зайцем, фаршированным уткой, яйцом и иглой, на кончике которой — все наши беды. И если отломить этот кончик, все вернется на круги своя: Алиса — к Марату, я — к Дэну, Марта... Марта почему-то всегда остается одна. От нее все уходят: Марат к Маргарите, а потом к Алисе... вот и я попыталась найти себе прибежище в Дэне... а Марта все кружит с плетеной кошелкой у метро, там, где мы жили раньше, и где она знает всех продавцов и бабушек с пучками укропа и ранней клубникой. Там, забросив свой лакированный невод со смешным названием ридикюль, она и сыскала

того, кто сейчас наверняка сопит в ее постели — неудавшегося гриффона, таинственного сфинкса, гибрида ехидны и оренбургского пухового платка...

Мне очень хочется постучать к Марату: я вижу, что он тоже не спит — но о чем мы будем с ним говорить? «Спасибо что вернул мою коммьюникейшн тьюб? Я тут же кинулась к Дэну, а он меня отшил. Сейчас и ты меня отошьешь, скажешь: Саша, мне некогда, иди спать. Поговорим завтра». Да, поговорим завтра... которое почему-то никогда не наступает! Никогда! Я с трудом отрываю себя от отцовской двери и волоку себя за шиворот дальше: потому что если я сейчас все это ему выскажу, будут только вопли, сопли, и разбуженная Марта... Что ж, это и есть та самая настоящая взрослая жизнь, которой я так жаждала, и в которой каждый тянет одеяло на себя. Он не может говорить о Дэне, а я не могу говорить с ним об Алисе... потому что оба мы хотим и ждем настоящего, а то что произойдет, будет насквозь фальшиво.

У Марты все настезь: она сосредоточенно роется в одном из шкафов. На полу гора каких-то папок, альбомов со старыми фотографиями — я уже видела все это раньше.

— Боже, как ты меня напугала!

— От твоей охраны вообще никакого толку, Марта, — говорю я, пытаюсь увернуться от

холодного мокрого носа и такого же мокрого, но отвратительно пахучего и липкого языка.

— Отстань! — отпихиваю Рекса от себя я. — Сегодня виделись! Какой ты, однако, гиперсексуальный...

— Ты почему не спишь?

— Хочу любить и быть любимой...

Марта роняет очередной альбом, поднимая тучу пыли. На ней новые очки — ничуть не лучше прежних.

— Александра, мне не до шуток! — говорит Марта строго.

— Какие уж тут шутки, — я вздыхаю так, что осевшая было пыль снова взлетает в воздух. — Я перезрела, Марта... в этом возрасте я уже не нужна никому...

По Мартиному лицу видно, что я не перезрела, а сбрендила.

— Она впервые предстала моим глазам на заре моей юности, в лето Господне тысяча триста двадцать седьмого года, утром шестого апреля, в соборе святой Клары, в Авиньоне...

Я тоже точно помню день и час, когда увидела того, кого Марат, злой человек, которого ты называешь братом, а я — горячо любимым отцом, увы, сегодня так безнадежно испортил... Или же это случилось не сегодня, а еще вчера? Марта, ты не знаешь, почему так: все в этом доме делают

только то, что считает нужным Марат? Разве что кроме Рекса — ну, на то он и король всех грифонов!..

— Саша, не корчи из себя Джульетту, закругляй свой шекспировский монолог и иди спать, — советует Марта устало. — У меня еще много дел.

— Это была не Джульетта, — обижаюсь я, — а Лаура. Почему, когда мне край нужно с кем-то поговорить, меня непременно отправляют спать? Мне не с кем спать... моя постель холодна и одинока...

— Шоколадку хочешь? — пытается откупиться от меня Марта.

— Лучше цикуты. Ты тоже по ночам ищешь сундук Кощея Бессмертного? — осведомляюсь я, и Марта подходит ближе и начинает принюхиваться:

— Саша, надеюсь, ты...

— Не волнуйся. Не пила ничего крепче водки, и не курила ничего, кроме конопли!

Терпение Марты иссякает:

— Жаль, что тебе уже нельзя надавать по заднице!

— Да, — киваю я. — Этого я не позволю! Я нежная тварь и отнюдь не поклонница садо-мазо! Я чувствую, что всем мешаю. Меня надо срочно сбить с рук, поскольку еще немного — и я стану таким же залежалым товаром как и эти твои советы

молодым хозяйкам и дагерротипы времен Первой мировой. Кстати, что ты тут ищешь?

— Как воспитывать детей! — отрезает Марта.

— Их надо не воспитывать. Их надо вовремя выдавать замуж, — бурчу я. — В средние века девицей на выданье считалась каждая, достигшая возраста двенадцати лет.

— Спасибо за информацию, — говорит Марта. — Значит, если мы все равно так опоздали, теперь можно и не торопиться!

— Это может плохо кончиться, дорогая моя тетушка, — скорбно говорю я, умачиваясь посреди папок с тесемочками фасона «совершенно секретно, хранить вечно». — Возьмем хотя бы век девятнадцатый...

— Возьмем, — соглашается Марта и начинает капать в склянку что-то очень дурнопахнущее. Будь ее питомцем не пес, а кот, он бы непременно украл у Марты это пойло, а Кабыздох и ухом не повел.

— Ага, — продолжаю я, игнорируя подставленную склянку. — Если девицы не выходили замуж в моем возрасте, то дальше их ждала либо панель (Сонечка Мармеладова), либо бесконечная рефлексия по поводу своей полной ненужности (Марья Болконская). И, если Болконскую граф Толстой все же пристроил в хорошие руки, то для Сонечки Достоевский пожалел теплого местечка, и отправил ее вместе с

Раскольниковым на каторгу!

— Настоящая каторга — постоянно выслушивать твой бред! — говорит Марта и тычет в меня валерьянкой. — На, выпей! И отправляйся ты спать, наконец! Когда на тебя находит, ты становишься такой же несносной, как... как...

— Как моя мать, — заканчиваю я угрюмо.

Марта хватает склянку и одним движением опрокидывает ее содержимое в рот. Затем судорожно трясет над пустой посудиной пузырьком, и буквально насильно вливает очередную порцию в рот мне. Пойло бьет в нос, от неожиданности я им давлюсь и сиплю:

— Ты же шоколадочку обещала!

— Возьми на комод и убирайся, наконец.

Вместо шоколадки я беру с комода альбом, полный гляцевых любительских фотографий: почти везде — Маргарита. Длинные светлые волосы, длинные ноги, улыбка как у кинозвезды... десятая, двадцатая, сотая улыбка...

— Здесь она еще не начала... — Марта запинается, но все же продолжает — совсем тихо: — Пить. Это мой любимый альбом...

Я листаю страницы и внезапно будто проваливаюсь прямо в них: неправда, что я все забыла! Я помню это лицо, и эти щекочущие меня волосы... и даже запах ее духов! Запах, к которому примешивается другой — резкий, тяжелый,

меняющий все: голос, походку, глаза, руки... саму нашу жизнь... Я вырываюсь, потому что у ее поцелуев тоже появился тот же отвратительный дух. Я бегу по тропинке — от песочницы к подъезду, а она — женщина со спутанной белой челкой и ставшими мутными глазами — тяжело топает сзади.

— Я т-тебе покажу, как от м-матери прятаться, противная девчонка! — визгливо кричит она.

У нее длинные ноги... и длинные руки... вот сейчас... сейчас она поймает меня! От ужаса я спотыкаюсь и падаю — прямо в грязь лицом.

— Что ты наделала, вымазалась как свинья!

Меня волокут под мышки, и сандалики глухо стучат по ступенькам.

— Ты такая же свинья, как и твой отец!

Меня хватают за шкуру, в лицо брызжет вода. Она холодная, а мыло тут же попадает в мой распяленный в крике рот — вместе с этим запахом, от которого никуда не деться. Я дергаюсь, и меня бьют по щекам. Оттого, что они мокрые, звук получается особенно звонким:

— Хлясь! Хлясь!

— Ма-а-а-а-а-а-ама!!

— Дрянь! Маленькая дрянь! Открой глаза, когда с тобой разговаривают!

Я открываю глаза: в ванне передо мной лежит

женщина. Ее лицо странно умиротворенное, а волосы, словно щупальца анемоны, обвивают ее очень длинное, тонкое, белое, будто обескровленное тело.

— Ма-а-а-а-арт-а-а-а-а! — отчаянно кричу я, и... просыпаюсь.

Марта тихо спит на боку, а между нею и мной уютно сопит Рекс, как всегда, воняющий отнюдь не духами, а псиной. А на самом краю лежу я — Александра, дочь не Марты, а Маргариты. И от этого уже никуда не деться.

Марат, умеющий торговаться

— С тобой все в порядке, детка?

— Да...

— С тобой хорошо обращаются?

— Да...

— Потерпи еще немножко, ладно?

— Да...

— Я вытащу тебя оттуда. Почему ты так разговариваешь? Тебе что-то кололи?

— Да...

По этому бесцветному, совершенно лишенному интонаций голосу я не могу понять, действительно ли это Алиса, и поэтому спрашиваю:

— Что мы ели в Венеции, в отеле, в первое утро нашего свадебного путешествия?

Наверное, нужно было спросить что-то другое, потому что трубка взрывается плачем:

— Марат, забери меня отсюда!!

— Успокойся, успокойся...

— Мы... ели пиццу маринара... прямо с утра... потому что я так захотела...

Я машинально киваю, но дальше Алиса несет какую-то чушь:

— ... ее принес к нам в номер Санта Клаус...

Однако перед тем как упомянуть несуществующего Санту, она замялась — на какую-то долю секунды. У меня не было и этой доли... и поэтому я просто поддержал непонятную пока игру:

— Точно, тогда был карнавал, и официанты были все одеты Сантами. Прости, если вдруг я не успею вытащить тебя на Новый год, — всего неделя осталось... но мы все сделаем как можно быстрее. И Санта обязательно принесет тебе подарок. Ты только держись. Ты меня слышишь?

— Да...

— Наговорились? А теперь слушай меня: у тебя есть эта самая неделя. Чтобы собрать пять миллионов. Черт с тобой — любыми купюрами. Немечеными, не подряд. Понял?

— У меня нет пяти миллионов, — говорю я упрямо, и за спиной ахает Марта. — У меня есть пятьсот тысяч.

— Ну ты нахал! — насмешливо восхищается голос. — И тебе не жалко жену? Молодая, красивая...

— Да черт с ней... еще раз женюсь!

— ...

— Полгорода молодых и красивых. Детей у нас нет, и я надеюсь, что никогда и не будет. Так что сами понимаете — я даю за нее хорошую цену.

— Она беременна, — осторожно говорит голос. Он явно озадачен.

— Я много лет назад сделал операцию. Вазэктомию. И никто из моих любовниц ни разу не залетал, — сухо сообщаю я. — Так что этот номер не пройдет.

— Она сама сказала!

— Она вам сейчас чего хотите скажет. Заодно и мне. А если она вдруг беременна не от меня, — угрожающе говорю я, — то... сами понимаете! Могу только оплатить ей такси, а вещи она будет собирать сама. На тротуаре под окном.

— Ладно... мы не знаем, беременная она или нет. Это дело ваше, семейное.

— Это точно, что семейное. И семьей тут руковожу я! А теперь слушайте: по зрелом размышлении я понял — одна молоденькая сучка, которая позволила, чтобы ее украли, не стоит того, чтобы я разрушил собственный бизнес. Сейчас совсем другие времена, и мне уже так не подняться.

А у меня на руках действительно семья. Я человек хладнокровный, если вы это еще не уразумели. Но вчера я сказал пятьсот — значит, будет пятьсот. Или будем еще торговаться? На понижение цены. Пошутил, — скрипуче сообщаю я. — Я люблю дорогие игрушки, и она стоит пятисот тысяч. А станете отрезать ей уши или еще чего, или убьете — я сделаю все, чтобы вас поймали и впаяли пожизненное. А поймают непременно, потому что я назначу премию — эти же пятьсот тысяч. Менты — люди жадные. За пол-ляма из-под земли выроют, а потом обратно закопают. Думайте до завтра. Связь в это же время.

Я бросаю трубку.

— Ты с ума сошел... — потрясенно шепчет Марта.

— Марта, — спрашиваю я неожиданно, потому что никак не могу выйти из того хамского образа, который только что на себя напялил, — почему ты всегда одеваешься как сиротка Хася?

— Кто?!

— Неважно... Я уезжаю. Вернусь поздно. Сашку никуда не выпускай.

— Хорошо... — Марта неуверенно семенит рядом.

— Сейчас приедет охрана. Настоящая. А не эти... погорельцы хреновы!

— У нас хорошая охрана, — неуверенно

говорит Марта. — Никогда... ничего...

— Марта, — поясняю я, выговаривая слова четко, словно для глухонемой. — Сейчас они могут попытаться меня запугать. Меньше всего я хочу, чтобы что-то случилось с тобой или с Сашкой. Никуда не выходить. С собакой не гулять!

— А как же?..

— Охрана выведет!

— А ты?!

— Меня они не тронут, я их единственный капитал, — нехорошо усмехаюсь я. — Кто им заплатит, если со мной что случится?

— Но ты же не бросишь Алису, правда?

Дурацкий вопрос, поэтому я ничего не отвечаю. Марта наконец отлипает от меня и спешит вверх — должно быть к своему любимцу, сообщить нерадостное известие: отныне он будет гулять на поводке с чужим незнакомым дядькой. Который не станет его хвалить, когда он пописает, и давать конфетку — если покакает. Сейчас они обнимутся, и будут рыдать еще и по этому поводу.

Домашний сейф я выпотрошил еще вчера — но наличности в нем было не густо. Бумаги тоже были все разобраны, и план их ликвидации составлен — так, на всякий пожарный. Вдруг эти упоротые ублюдки упрутся рогом! Да, и Новый год... пропади он пропадом, этот Новый год! Деловая жизнь замирает, и не так-то просто

наскрести эти проклятые деньги... разумеется, я не думаю, что они согласятся на пятьсот тысяч, я считаю, мы сойдемся на миллионе, максимум — полтора — и это тоже не так-то просто устроить. Но для начала я предложил пятьсот — потому что с похитителями надо торговаться, и торговаться жестко, как бы ни было жалко своих близких. Надо! Я не знаю, как бы поделикатнее втолковать это Марте... и нужно ли ей вообще что-то втолковывать. Проще вот так, в приказном порядке, как сегодня. И... мне нужен помощник. Советчик. Напарник. Можно попробовать просто найти Алису... посулив хорошие деньги какому-нибудь отставнику. Не менту. Не частному детективу с лицензией. Просто надежному человеку, готовому оказать мне услугу. Формально я ничего не нарушу. А за неделю можно многое успеть... ведь не зря Алиса упомянула официанта в костюме Санты! На что она намекала? Ресторан? Магазин? Елочный базар напротив места где ее держат?..

— Марат! Марат!

Марта перегнулась через перила, и очередные очки, упав вниз, разбились вдребезги.

— Она!.. Она!.. Боже мой... Марат! Сашка пропала!!

Сашка, подружка Дэна

Подслушивать нехорошо. Но когда от любопытства тебя раздирает буквально пополам, ты вспоминаешь об этом только потом... когда все уже случилось. И вот тогда ты и осознаешь, что старая банальная истина была права. И тебе не нужно было этого делать. Потому что после того, что ты услышала, твой привычный мир обрушился в один миг. И ты придавлена обломками. И что у тебя не осталось... стоп, стоп, стоп — вот этого уже не надо! Жалеть себя, и распускать нюни — ах, бедная Саша! Да и не придавлена ты обломками, не придумывай всякие страсти-мордасти! Развалилась какая-то часть — да, это так. Ну и что? Мало ли у тебя уже было друзей — ах, какие потрясающие! — на первый взгляд, на второй — уже так себе, а потом и вовсе ты была рада от них избавиться. Да и сейчас ничего сверхъестественного не случилось: даже если ты не родная дочь Марата, и не племянница Марты — это, конечно, удар под дых, но... согласишься, это не так страшно, как быть дочерью алкоголички, настолько опостылевшей собственному мужу, что тот сделал стерилизацию! Ну, полегчало? Теперь давай аккуратненько обойдем кучу из несбывшихся надежд и напрасных иллюзий — все равно никому не нужны! Это просто ничего не стоящий сор, над которым стоит рыдать. Как говорится, мы пойдем другим путем! Да, но каким? Я перебираю в уме варианты:

тупик... тупик... и снова тупик! Почему я сама загоняю себя в тупики? Почему повсюду одни обломки? «Наверное, если рухнет что-то одно, тут же непременно валится и вся конструкция», — уныло думаю я. И еще непременно решаю при случае справиться у Марата — у него как-никак инженерное образование... Нет! У Марата я ничего спрашивать не буду! Потому что когда-то он так не хотел меня, что сделал ЭТО... сам лишил себя способности стать отцом. Да, вот тут-то и родилась я! Или он сделал это ПОСЛЕ? Именно потому что родилась я? Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка. Не похожая ни на своего отца Марата, ни тем более на Марту... но от Маргариты тоже, слава богу, ничего... или же что-то есть? Я вспоминаю фото, которые видела вчера: летящие светлые волосы, смеющиеся шальные глаза... Интересно — что искала Марта в старых альбомах? Или в ее душу тоже закрались сомнения, и она решила освежить память и сравнить меня с матерью? Но скорее Маргарита напоминает не меня, а... Тут я, что называется, покрылась цыганским потом. В мозгу промелькнула какая-то сумасбродная мысль, наверняка ведущая к правильному выводу — но я не успела поймать ее за ускользнувший хвост. И все потому что мне слишком бросилось в глаза очевидное: моя давно умершая мать и моя молодая мачеха были похожи как родные сестры! Нет, не

ври себе, Сашка... вовсе они не похожи! Разный разрез глаз, рисунок губ. Просто один и тот же тип: субтильная длинноногая блондинка. Овальное личико, правильные черты, кокетливые взгляды искоса... Джентльмены предпочитают блондинок? Тогда что нашел Дэн во мне: невысокой, круглолицей, с глазами-пуговицами? Дэн знает обо мне все... ну, или почти все. Все, кроме того, что я старательно обхожу. Я ни разу с ним не говорила предшественнице Алисы — о моей матери; той, которая так страшно привиделась мне этой ночью. Я долго кричала по ночам в детстве... и не потому что мне, как сегодня, снилась Маргарита — нет, я ее совсем не вспоминала. Детская память это благоразумно вытеснила — но кричала я все равно. Потому что ЭТО ушло куда-то глубже. Внедрилось, въелось, затаилось... чтобы выползти сейчас, и ужалить в самое сердце, и сожрать меня изнутри. Чтобы я думала и думала как моя мать была омерзительна тому, кого я все эти годы любила и считала отцом... но ведь и он меня любил! Или он просто привязался ко мне — как Марта к своему недогриффону... Мы с Рексом — милые беспородные уроды... Но, если Марат сделал операцию, чтобы не иметь детей от моей матери, значит он с ней все равно спал? Выходит, его к ней неудержимо тянуло? И он презирал себя за это, а заодно возненавидел всех женщин мира в лице

Маргариты, и само деторождение как их неотъемлемую часть? К тому же пьянчужки часто беременеют от кого попало... Я поежилась: одно дело считать себя дочерью Марата и племянницей Марты, и совсем другое — быть дочерью алкоголички и неизвестно кого, воспитанной благородным семейством из сострадания! Я строго сказала себе: «Сашка, сейчас лучше об этом не думать! У нас с тобой другие задачи и планы». Однако думалось все равно.

Я прыгнула в первую попавшуюся маршрутку — лишь бы быстрее исчезнуть из дома. А она поехала каким-то непонятным кружным путем, и как назло, у меня образовалась просто куча времени, чтобы обо всем этом размышлять — хотя я действительно сбежала не от обид — какие уж тут обиды, когда похитили человека! Но я просто не могла тупо сидеть и ждать, пока все разрешится. Кроме того, я знала: они дождут Марата. Выманят у него деньги, и не вернут Алису. В этом я была более чем уверена. Я прочла достаточно детективов, где все и всегда завершается хэппиэндом, но жизнь — это не книга, написанная какой-нибудь тетенькой вроде Марты, которая хочет чтобы все всегда заканчивалось хорошо! Жизнь — это сухая справка из инета, который сообщал неутешительное: семьдесят процентов жертв похищений погибают. Семьдесят процентов!